"Когда зачиналася камена Москва..."

Когда зачиналася камена Москва,
Тогда зачинался и грозной царь,
Что грозной царь Иван сударь Васильевич.

Как ходил он под Казань-город,
Под Казань-город и под Астрахань:
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею;
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Нова-города.

И тут ли царь похваляться стал,
Что вывел измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Нова-города:
«Ах, как бы вывесть измену из каменной Москвы!»
Что взговорит Малюта злодей Скурлатович:
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывесть тебе изменушки довеку:
Сидит супротивник супротив тебя,
Он пьет и ест с одного блюда,
Цветное платье носит с одного плеча!»

И тут царь догадается,
На царевича злобно осержается,
Что взговорит гозной царь Иван Васильевич:
«Ах вы гой еси, князья и бояра
Вы берите царевича под белы руки,
Поведите во палату особую,
Вы снимайте с него платье цветное,
Надевайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Все бояре испугалися,
Из палаты вон разбежалися,
Большой за меньшова хоронятся;

Один остался Малюта злодей:
Он брал царевича за белы руки,
Повел во палату особливую,
Снимал с него платье цветное,
Надевал на него платье черное,
Повел на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.

Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу,
Как кричал он громким голосом:
«Ты пьешь и ешь — прохлажаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь:
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярова —
Не становится у нас млада царевича!»
Никита Романович испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударил он Малюту по щеке:
«Ты, Малюта, Малюта Скурлатович!
Не за свой ты кус примаешься,
Ты етим кусом подавишься!»
Он брал царевича за белы руки
И повел его, куда надобно.

Что взговорит грозной царь:
«Ах вы гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутренней,
Слушать по царевиче панихиду:
Я вас, бояре, всех в котле сварю».
Все бояре испугалися,
Надевали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по царевиче панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился в платье цветное,

Привел с собой млада царевича
И поставил за дверьми северны.
Что взговорит грозной царь:
«Ах ты гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ли ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого:
Не стало у меня млада царевича!»
Что взговорит Никита Романович:
«Ах ты гой еси, надежда, православный царь!
Мы не станем петь по царевичу панихиду,
А станем петь молебен заздравный мы!»
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.

Что взговорит грозной царь:
«Ты Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать,
Или тебе золотой казны сколько надобно?» —
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не надо мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мне злодея Скурлатова:
Я сведу его на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую».
Что взговорит царь Иван Васильевич:
«Еще вот тебе Малюта-злодей,
И делай с ним, что хочешь ты!»

(Новик. Песен., 1780 г., ч. II, № 121, стр. 135-138; то же у Чулкова, 1770 г., ч. II, № 121, стр. 167-170; то же повторено в песенниках Гурьянова и Сахарова).

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.